

**ВЕРА
КОЛОЧКОВА**

ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ

Вера Александровна Колочкова Ласточка для Дюймовочки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18119854

Ласточка для Дюймовочки : роман / Вера Колочкова: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-82997-2

Аннотация

Семнадцатилетняя Даша понимает, что ждет ребенка, слишком поздно... Мать, опасаясь скомпрометировать мужа-депутата неудобной беременностью дочери, отправляет ее из Петербурга в маленький уральский городок к бабушке. Здесь, по решению семьи, Даша должна родить и отдать малыша бездетной паре. В новой школе девушка знакомится с юной матерью-одиночкой Натальей – ее пример заставляет Дашу пойти наперекор воле родителей и взять ответственность за свою судьбу на себя.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Глава 3	42
Глава 4	59
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вера Колочкова

Ласточка для Дюймовочки

© Колочкова В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Если дочь приносит в подале –
Это ради жизни на земле?*

Владимир Вишневский

Глава 1

Довольно противная штука – эти затяжные октябрьские дожди. Особенно в родном Питере, и без того ветрено-сыром и промозглом. Особенно утром в понедельник, когда после катастрофически быстро образовавшейся телесно-воскресной лени надо собираться с духом и вытаскивать себя из теплой постели. Вытаскивать и идти в свою престижную гимназию, будь она неладна... Ну вот почему, почему надо учиться именно в гимназии, среди этих маленьких снобов? Почему не в обычной школе? Хотя какая теперь разница, в ее-то ситуации... Какая разница, в каком месте оскандалиться? Неминуемо и жестоко оскандалиться. Еще, наверное, недели две-три, и...

А может, вообще с постели не вставать? Утро понедельника, дождь, лень... Хотя чего уж себя обманывать – сколько же можно. Все равно обманом этим в прежнюю жизнь себя не впихнешь. Пора наконец отдать жесткий отчет, что леньность понедельника – это совсем не то чувство, которое держит ее под одеялом. Оно вообще из прошлой еще жизни, это чувство. Из той, из счастливой, по-детски наивной и капризулистой, когда совершенно справедливо полагаешь, что нет ничего на свете более противного, чем проклятое утро понедельника. И не подозреваешь даже, что «противное» – это, оказывается, совсем другое. То самое, взрослое,

и непривычно-тяжелое, и безысходно тягостное или какое там еще, господи... «Противное» – это когда даже мимо зеркала нельзя пройти! И зачем, зачем она тогда, в своем беззаботном еще детстве, настояла на этом огромном зеркале в своей комнате? Захотелось на себя в полный рост любоваться, видите ли. Каждый день. Вот теперь и любуйся! Проходи мимо и взглядывай испуганно, не выползают ли коварно наружу первые признаки сложившейся в организме нехорошей ситуации. Или не взглядывай, проскакивай мимо прытким зайчиком. Может, недельку еще и попрыгаешь. А дальше-то что? Потом-то что делать с этой нехорошей ситуацией в свои школьные семнадцать? Нет ответа. И выхода тоже никакого нет. Эх, где же вы, прежние ветрено-сырые и промозглые понедельничные утра, противные потому только, что тело разленилось за выходные и сопротивляется такой малости, как раннее вытаскивание себя из постели...

Хотя, если судить по большому счету, сложившуюся в ее юном организме нехорошую ситуацию можно признать, наверное, совершенно жизненной. Обычной даже. А для женщин, умудренных своим многолетним женским опытом, даже и самой заурядной. Уж они-то наверняка знают, что им со всем этим беременным хозяйством делать – или радоваться, или досадовать, или бежать куда, чтоб принять срочные меры по его ликвидации. А вот она, Даша Кравцова, совсем не знает. Она про многое знает, а вот про это – хоть убей! Да и не стремилась она никогда к этим знаниям. Как-

то и не нужно было. Зачем? Только голову засорять. Девушкой она была разумной, а для своих семнадцати еще и чересчур прагматичной. И цену себе знала. И все у нее шло в жизни по правилам: в семье росла совершенно полной, то есть с настоящими, живущими с ней бок о бок благополучными мамой-папой, в лихом тинейджерстве, как другие, долго не засиделась, красоту лица природно-естественную в погоне за обманчивой подростковой стильностью не потрепала и даже с местом для получения высшего образования сумела заранее определиться. И даже попасть на это место должна была очень легко. А после окончания института в Дашины хорошие жизненные планы входило такое же хорошее замужество – чтоб непременно по большой любви. Это уж потом она должна была, следуя всему и далее такому же хорошему, родить себе ребеночка. Или даже двоих детей. А тут вдруг такое – без планов, без института, без замужества...

И что теперь? Как быть-то? Отдавать на откуп растущей в ней ситуации свою хрупкость-стройность да такую приятную, старательно натренированную во всех местах мышечную упругость? Они что, вот так, ни за здорово живешь, должны пропасть в распирающем ее изнутри существе, имя которому – нежелательная беременность? Родить себе ребеночка, школу даже не закончив? Нет-нет, надо что-то делать, надо срочно что-то делать! Только вот что?

Тяжко, со всхлипом, вздохнув, она снова нырнула под одеяло, свернулась клубочком. Услышав из прихожей

бодрый мамин голос, быстро сунула голову под подушку. Вот всегда у мамы так голос звучит, когда она папу по утрам провожает. На сплошной жизнерадостной оптимистической ноте. А потом она еще и к окну кухонному подходит и ждет, когда он ей снизу улыбнется. И сама в ответ улыбается и вскидывает резко кулачок вверх – но пасаран, мол. Враги не пройдут. Иди, мой любимый муж, совершай свои подвиги... Сейчас и ее, Дашу, так же жизнерадостно будет в школу провожать. Заряжать, как она говорит, положительной да созидательной энергией. И надо будет изо всех сил делать вид, что ты эту энергию в себя приняла благодарно и тоже пошла – но пасаран! – бороться с неизвестными врагами, и созидать свою будущую хорошую жизнь, и совершать свои в ней личные маленькие подвиги.

А что, если и в самом деле сегодня не вставать? Сказаться больной, например? Тогда и мимо зеркала можно не проходить, и себя не разглядывать потаенно-испуганно. Чего уж теперь разглядывать – вчерашний поход в поликлинику ей и без того никаких надежд на спасение не оставил. И так уж все ясно...

– ...Девушка, извините... А у вас тут гинекологический кабинет есть? Только мне это... Анонимно надо... В рекламе написано, что у вас все анонимно...

– А сколько вам лет? Восемнадцать есть?

– А что? Надо, чтоб восемнадцать было?

– Так есть или нет? – подозрительно на нее посмотри-

вая из-под кокетливой шапочки-пилотки, переспросила молоденькая регистраторша за стойкой.

– Ну да. Есть. Есть, конечно.

– Паспорт давай.

– Так я не взяла... Анонимно же...

Девушка снова обозрела ее всю внимательно и печально, потом вздохнула коротко и, написав что-то на маленькой бумажке, протянула ее Даше:

– Иди в кассу, оплачивай. А потом в сорок первый кабинет. Сегодня Лариса Львовна принимает, она как раз умеет с малолетками работать.

– В каком смысле?

– В воспитательном, в каком. Беда прямо с вами, с девочками. И чего вы так рано во взрослую эту жизнь лезете, не понимаю? Не успеете будто...

– А меня воспитывать не надо, я воспитанная, – по привычке гордо вскинув голову и освободив лицо от занавешивающих его со всех сторон модно рваных белых прядей, проговорила Даша. Да и маленькая бумажка, которую она торопливо приняла из рук строгой регистраторши, уже вселила в нее некоторую уверенность. А вдруг и впрямь эта самая Лариса Львовна, которая умеет хорошо с малолетками работать, ей возьмет да поможет?

Уверенности этой, впрочем, хватило ей только на то, чтоб пройти по длинному коридору до двери под номером сорок один. Снова напала на нее прежняя испуганно-тоскли-

вая маетность, и вместо того, чтоб сразу войти в заветную дверь, она почему-то уселась на узкую, обтянутую веселеньким оранжевым дерматином кушетку, безвольно сложила на джинсовых коленках руки плеточками. Белые легкие перышки-прядки, послушно притворяясь естественными – такой вот стильно-небрежный и жутко дорогой парикмахерский изыск, – скользнули на щеки, на подбородок, на лоб, полностью закрыли Дашино смятенное лицо. И сердце стучало дробно и гулко, будто в груди у нее образовалась совершеннейшая пустота, и свесившаяся с коленки тонкая кисть подрагивала в такт этим ударам. Едва заметно, но Даша видела, как она подрагивает. И вся на этом сосредоточилась. Наверное, слишком уж быстро она подрагивает? Это от волнения, наверное. Потому что ситуация уж слишком противная. И поликлиника эта противная, и оранжевая кушетка противная...

– Вы ко мне, девушка? – проворковал у нее над головой приветливый женский голос из приоткрывшейся двери сорок первого кабинета.

Даша вздрогнула и, вмиг вскочив, распрямилась во весь рост. Белые волосы красиво и быстро отлетели от лица, обнажив застывшие ступором испуга глаза. И ответить ничего не сумела – только рот открыла да сглотнула судорожно.

– Так вы ко мне? – снова спросила красивая моложавая врачиха с приветливо доброй смешинкой в глазах и улыбнулась ободряюще.

Даша набрала в грудь побольше воздуха, чтоб ответить вежливо и утвердительно, но вместо этого тут же снова его выдохнула и, нервно сглотнув, схватилась испуганно за горло.

– Так. Понятно все с вами, девушка. Бывает. Шок на вербальном уровне, – тихо проговорила врачиха. Потом вздохнула и продолжила: – Ну, заходи... Давай сюда бумажку свою, чего ты ее мертвой хваткой в руке зажала? Ничего, что я на ты? Можно?

Даша оловянным солдатиком прошествовала в кабинет, уселась перед врачихой на стул, скосив невольно глаза на раздвинутую в углу белую ширму. Сжав ладони между коленями, стала смотреть испуганно, как та берет ручку, как шевелит улыбочиво губами, что-то такое ей говоря, как кладет перед собой линованный аккуратно листочек. Бланк, наверное. Все как в настоящей больнице. Как это у них, интересно, называется? Карточка? История болезни? Или беременность – это не болезнь вовсе? Тогда как? История беременности? Нет, не так, наверное. Эту ж историю просто так не возьмешь да не расскажешь, чтоб в карточку ее записать...

– ...Эй, вы слышите меня, девушка? Фамилию мне скажите! Потом имя. Потом отчество. Вы меня поняли? Фамилию, имя и отчество!

– Простите... Но как, как же фамилию? – дурным голоском проблеяла наконец Даша. – Я не хочу фамилию. Я пото-

му к вам и пришла, что у вас анонимно...

– Ну конечно, конечно же, анонимно! А фамилию любую скажите. Мне же как-то надо вас зарегистрировать. Назовите любую фамилию. Иванова, Петрова, Сидорова...

– Сидорова? Ну ладно... Пусть тогда будет Сидорова... А имя... пусть будет Татьяна. Татьяна Петровна...

– Хорошо. Так и запишем. Сидорова Татьяна Петровна, – успокаивающе проворковала врач. – А меня зовут Лариса Львовна. А полных лет вам сколько, Татьяна Петровна?

– Семнадцать... – неуверенно произнесла Даша.

– Очень хорошо. Так и запишем. Семнадцать. А теперь слушаю вас, Татьяна Петровна, очень внимательно. Что у вас за проблемы такие?

– Я... У меня... – Даша снова судорожно сглотнула, задрожали губы, пытаюсь сдержать подступающие слезы. Лучше бы уж нахамила ей эта врачиха, ей-богу. Лучше бы уж обозвала как-нибудь. А то – слушаю вас... С чего это она вдруг слушать ее собралась? Неужели и без того непонятна ей Дашина проблема? Что она, любопытства ради сюда забрела, что ли? Мучимая заботой о юном своем женском половом созревании?

– Ладно. Все понятно с вами, Татьяна Петровна, – словно ее услышав, вздохнула добрая врачиха Лариса Львовна. – Пойдемте, я вас осмотрю...

А ровно через двадцать минут после мучительно-незнакомой и неприятной процедуры Даша уже почти равнодушно

выслушала из ее уст свой приговор. Не смертельный, конечно, но с пожизненным сроком наказания. Впрочем, она и сама об этом давно уже догадалась...

– У тебя уже очень большой срок, девочка. Сделать тут практически ничего нельзя. Ни один врач не возьмется. А если найдешь придурка какого-нибудь, деньгами озабоченного, – себя искалечишь. Помни это. Ему что, он деньги возьмет, и поминай как звали. А тебе жить. Не делай глупостей, девочка. Хорошо? Прошу тебя. Лучше маме скажи. У тебя мама есть?

– Да. Есть. И мама, и папа.

– Что, строгие очень?

– Да нет. Нормальные...

Даша пожала плечами, снова зажала холодные пальцы с французским маникюром между коленками, снова низко опустила голову, дав возможность нежным перышкам-прядкам красиво скользнуть на лицо. И замолчала. Надо было поблагодарить эту Ларису Львовну за проявленную к ней заботу, надо было встать и уйти, но она продолжала горестно и упорно сидеть, будто ждала самого распоследнего, самого спасительного выхода из нехорошей своей ситуации. Мама вот любит повторять, между прочим, что из абсолютно каждой ситуации, даже самой безнадежной, всегда есть какой-нибудь выход... И сейчас добрая Лариса Львовна, совсем разжалобившись, вздохнет решительно и, протянув руку к ящику стола, скажет: ну ладно, что с тобой делать, есть

у меня тут одна заветная таблеточка, совершенно случайно завалялась...

– А хочешь, я сама с твоими родителями поговорю, если ты боишься? – вместо того, чтоб тянуть руку и доставать спасительную таблеточку, проговорила Лариса Львовна, доверительно потянувшись к Даше всем корпусом. – Я же вижу, девочка ты хорошая. И родители у тебя, должно быть, люди понимающие. Из дома не выгонят.

– Нет. Не надо. Я сама.

– Хорошо. Сама так сама. А он у тебя кто? Мальчик твой?

– Нет у меня никакого мальчика. И не было никогда. Спасибо вам, Лариса Львовна. Пойду я, пожалуй. До свидания.

– До свидания, девочка. Удачи тебе. Держись. И маме прямо сегодня все расскажи, наберись смелости. А про мальчика и в самом деле забудь, раз он тебя предал...

– Он не мальчик. Он взрослый уже. И все равно его не было, не было...

Так, сама от себя не ожидая, Даша вслух отреклась от Дэна. Вот так – не было его никогда. Не было, и все. Ничего не было – ни летнего солнечного счастья, ни праздника первой любви. Той самой, настоящей. Такой, о которой, казалось, еще ни одна книжка не написана и ни одна трагедия не разыграна, даже самая что ни на есть шекспировская. Потому что ее любимый Дэн был лучше всех шекспировских героев, вместе взятых, а какой-нибудь там Ромео ему и в подметки не годился. А теперь выходит, что не было в ее жиз-

ни никакого Дэна. Не было приморского крымского городка, не избалованного отдыхающими, не было и темной, обросшей скользкими водорослями пещерной скалы, принимающей на свою каменную грудь высокие волны, не было ночного костра в маленьком гроте за этой скалой и бесконечных их разговоров попеременно с нежными объятиями тоже не было...

С Дэном Даша познакомилась в первый же день, как приехала к бабушке на каникулы. Из года в год она с удовольствием проводила здесь, в этом маленьком приморском поселке, а может, даже и городке по южному статусу, три обязательных летних месяца, упорно отказываясь от родительских предложений поехать с ними то в Турцию, то в Египет, а то и на другие красивые берега. Нет, не была Даша так уж сильно привязана к этому месту, конечно. Просто ей до жути нравились летняя самостоятельность, настрой на романтическое, одиночество среди прекрасной природы с маленьким диким, засыпанным крупной неудобной галькой пляжиком, нестерпимо палящим с самого утра июльским солнцем, серо-зеленым морским дном, красиво и загадочно колышущимся водорослями, если смотреть на него с невысокой скалы сразу за белым бабушкиным домиком.

Бабушка была папиной мамой. Хорошая бабушка, тихая и не вредная. С воспитанием-наставлением к Даше не лезла, да и некогда ей было. С утра уходила на работу, возвращалась вечером. Из тех редких бабушек была, которые всем

в своей жизни довольны – и сыном, и невесткой, и внучкой, и погодой, и даже, как ни странно, государственным пенсионным обеспечением. И тем еще, что с работы скромного аптечного провизора ее до сих пор не погнали, несмотря на почтенный возраст. А летом бабушка умудрялась еще и молодых своих напарниц в отпуска отправить и засиживалась на работе с утра до позднего вечера. А себе отпуска бабушка давно уже не требовала. Говорила: зачем? И без того вот-вот на заслуженный отдых, будь он неладен, выпрут, сам собой тогда сплошной отпуск у нее и получится.

Даша тоже ее любила – за эту самую невредность и любила. С удовольствием хозяйничала в рабочее ее отсутствие в доме, готовила обед, ходила на рынок за рыбой и мясом с кошелками. Научилась даже компоты и варенье из инжира варить. Было это все для Даши чем-то вроде приятной забавы – так маленькие девочки иногда с упоением играют в дом. Говорят, это очень девочкам полезно. Будто тем самым они репетируют неотвратимо наступающую взросло-самостоятельную жизнь. Вот и Даша, выходит, тоже ее репетировала. Только в отличие от маленьких девочек было у нее здесь все взрослое, настоящее – и дом, и обед, и рынок, и даже варенье из инжира. Так же по-настоящему, по-взрослому вписался в эту жизнь и Дэн в приятном качестве молодого мужа. А что? Раз есть дом с обедом, значит, и муж к этому должен прилагаться. Чтоб все по-настоящему, без обмана. Молодой любящий муж, которым молодая любящая же-

на очень даже довольна, потому что чувствует себя с ним абсолютно, ну просто до неприличия счастливой и обо всем на свете, в том числе и о жестокой и совсем не игрушечной жизни, напрочь забывает...

Он подошел к ней сам на маленьком пляжике сразу за бабушкиным домом. В первое же утро, как только она сюда приехала. Да и невозможно, пожалуй, ему было не подойти, потому что на пляжике они в этот ранний час оказались совсем одни. Местный житель разбрелся уже по рабочим местам, а житель приезжий да отдыхающий еще не проснулся и не позавтракал. Они же оба, как выяснилось, не относились ни к тем, ни к другим. Даша хоть и была из разряда отдыхающих, но на летний сезон считала себя практически местной. А Дэн – хоть и был из разряда работающих, местным себя никак не считал. Командирован он был на этот чудесный берег от Московского института океанологии. Даша раньше и слыхом не слыхивала, что такой существует...

– И чем ты в своей командировке занимаешься? Отдыхом за государственный счет? – красиво расположив тоненькое, незагорелое еще, но очень подтянутое тело на плоском отростке прибрежной скалы, лениво улыбнулась она Дэну. – Чего у нас тут делать океанологу, интересно? Море как море. Обыкновенный берег. Сплошная галька да водоросли. Ну, скалы вон еще из воды торчат...

– Ага. Нечего, конечно. И вообще, все ученые – сплошные бездельники. Зря только хлеб государственный жуют.

– А ты что, ученый?

– А ты думала! – развел насмешливо в стороны длинные загорелые руки Дэн. – Конечно, ученый.

– Что, и звание есть?

– А то! Есть, конечно! – так же вызывающе-смешливо подтвердил он, внимательно и с охотой ее разглядывая. – Недавно только кандидатскую спихнул. Занимаюсь проблемой использования ресурсов морского дна и континентального шельфа. И красивые русалки, поутру выползающие на скалистый берег принять на грудь немножко ультрафиолета, тоже являются объектом моих исследований.

– Это я, что ль, русалка? – загородив глаза ладошкой от нежного июньского луча, спросила Даша, взглянув прямо в глаза этому странному длинному парню, присевшему перед ней на корточки.

Это потом, по прошествии времени, вспоминая свой первый взгляд в его желто-медовые глаза, она поняла, что ринулась в них сразу, мигом утонула, растворилась в ласковой их, умной да доброй насмешливости. Влюбилась, в общем. Хотя никак и не свойственно было такое вот легкомыслие питерской девушке Даше Кравцовой. Потому что надо было девушку Дашу Кравцову знать! Она, девушка Даша Кравцова, была по сути своей исключительно гордой, избалованной и очень даже в знакомствах привередливой. А тут вдруг ни с того ни с сего взяла и разулыбалась в ответ и ни с того ни с сего пригласила этого длинного загорелого океанолога

к себе домой то ли на обед, то ли на завтрак – на вчерашний борщ, в общем. А к вечеру ей уже казалось, что знает она Дэна сто лет и все эти сто лет они вместе едят, вместе плавают, вместе дурачатся, вместе ведут бесконечные и интереснейшие споры-разговоры...

Хотя разговоры вел в основном Дэн, а Даша его с упоением слушала. Станным он был парнем. Станным и очень интересным. И о своем занятии мог говорить взхлеб и очень весело, и складывалось такое впечатление, что ничего в мире нет важнее и значительнее экологических систем, и минеральных потенциалов разных морей и продуктивных акваторий океанов, и изменчивости их состояний под влиянием всяких там антропогенных факторов... Слушая его, Даша только удивлялась тихо. И завидовала от души этому неумемному интересу, этой искренней живости, этому блеску в желтых глазах. И слушая, все время вспоминала громкие папины утверждения о том, что новенькое наше государство совершило в отношении своих ученых злостное и непоправимое преступление, оскорбив их мизерными зарплатами. Судя по Дэну, он никоим образом к жертвам преступления не относился и на оскорбленного зарплатой человека тоже не походил. Он вообще денежного эквивалента жизни не касался, и выходило это у него так ловко и естественно, будто этого самого эквивалента и в природе не существовало. Даже обидно стало. Для всех он существует, а для него нет, что ли?

– Дэн, а океанологам зарплату какую платят? Большую или маленькую?

– Маленькую, конечно, – пожал удивленно плечами Дэн. – Таковую же, как учителям и врачам. А что?

– Ну как что... А тебе не обидно, что ли? Тебя это не оскорбляет?

– Нет. Каждый из нас, из низкооплачиваемых, имел в свое время собственное право выбора, каким таким хорошим да интересным делом ему заниматься – то ли детей учить, то ли людей лечить, то ли страстно чего исследовать... Знаешь, не дай бог человеку попасть к врачу, который зарплатой оскорблен. Потому что он уже не врач по большому счету. И ученый, закатывающий истерики по поводу своей маленькой зарплаты, тоже не ученый.

– Почему это?

– Потому что ученый должен быть талантлив и увлечен. А талант и увлеченность – вещи всегда голодные. Если их откормить, разжиреют и перестанут быть талантом и увлеченностью. Плюхнутся на землю, летать не смогут. Да, жестоко, но это так. И потому настоящий ученый, да и любой другой увлеченный своим делом человек, думами о высокой зарплате не одержим...

Даша хмыкнула, будто с ним не соглашаясь, но спорить не стала. Протянула лениво руку, взяла в ладонь теплый плоский камешек, кинула в уносимую отливом волну. Солнце красиво и празднично уходило за горизонт, добродуш-

но протягивая им под ноги блестящую морскую дорожку, словно приглашало – искупайтесь-ка лучше, ребята, чем сидеть да философии пустые разводить. Даша и не хотела философствовать. Да и вообще, в отношении своей будущей профессии и в отношении потенциальных своих будущих заработков она придерживалась совершенно другого мнения. Она давно уже решила, что будет известной журналисткой. Лучше, конечно, на телевидении. Очень востребованной, очень талантливой журналисткой. И высоко, кстати, оплачиваемой! Ночи напролет она будет, красиво наморщив лоб и сведя брови домиком, сидеть за компьютером, а утром, со вкусом выпив чашку крепчайшего кофе и выкурив обязательную сигарету, будет торопливо выскакивать из подъезда, чтобы красиво простучать каблучками к своей серебристой машине. Или лучше красной. Неважно, какого цвета будет машина... А потом будет широко и размашисто шагать по коридору редакции хорошего журнала, или лучше хорошего какого-нибудь телеканала, и врываться без доклада к шефу, и размахивать у него перед глазами новым убойным материалом...

– Понимаешь, Дашка, – послушав ее молчание и приняв его за знак с его мыслями полного согласия, тихо продолжил Дэн, – вся наша жизнь, как и этот прекрасный берег, была задумана изначально очень просто и мудро: каждый должен заниматься тем, чем ему должно. Тем, что у него лучше всего получается. Неважно, что это – хлеб печь, книжки писать

или морское дно исследовать. Просто он должен быть счастливым только от этого, и все.

– А мусор, например, за всеми убирать – тоже счастье?

– Да. И мусор убирать тоже. А что? Стремление к чистоте – разве не талант своего рода? Тоже талант! Ну вот... А потом или все само собой как-то перекосилось, или не додумал чего тот, кто всю эту нашу суету жизненную придумывал. И оттого произошло страшное – люди сначала научились оценивать друг друга, а потом и презирать друг друга научились. Неважно, по какому принципу. Отсюда все беды и пошли. И денежно-страдальческие в том числе, по поводу выгодной продажи своих способностей и талантов.

– Значит, оценивать друг друга нехорошо?

– Не-а. Вот как я тебя могу оценивать, например? Я просто тебя люблю, и все...

И они больше не стали спорить. Они стали целоваться. А потом купаться пошли – поплыли по сверкающей лунной дорожке, провожая на покой июньское солнце. А как стемнело – поднялись по ступенькам, вырубленным в белой скале, к бабушкиному домику. Света в окошках не было. Бабушка, как всегда, засиделась в своей аптеке...

Так незаметно пробежали прозрачный и нежный июнь, и знойно-палящий июль, и август перевалил уже за вторую бархатную половину. Одинаковые, наполненные счастливым ожиданием дни. С утра Дэн с такими же «сдвинутыми океанологами», как называла всю эту компанию Даша, уплывал

на маленьком катерке далеко в море, а к вечеру она взбиралась на скалу за бабушкиным домом и, приставив козырьком ладошку к глазам, вглядывалась в морскую даль в ожидании его возвращения. Ветер трепал волосы и подол ее белого сарафана, и сама она представлялась себе в этот момент ждущей своих алых парусов романтической девушкой Ассоль. И это было необыкновенно хорошо, потому как в обычной жизни ничего подобного с ней не происходило. Никогда и никого она так не ждала. Еще чего! В обычной жизни она была девушкой правильной и целеустремленной, почти лучшей ученицей в классе, почти примерной, без всяких там возрастных отклонений дочерью для мамы с папой, даже была почти определившейся в планах относительно наступающей взрослой жизни. И вовсе не было предусмотрено в этих планах никаких радостных ожиданий бедных ученых-океанологов, а был предусмотрен умный и красивый муж-бизнесмен со своим большим домом, с лужайкой, с гувернанткой для ребенка, с Куршевелем и Канарами, с Парижем и Лондоном и всякими еще прочими приятностями достойной замужней жизни. Все это было так, конечно. Но почему-то, как только Даша видела в море черную точку возвращающегося на берег катерка с океанологами, сердце ее начинало отбивать дробь как сумасшедшее, лицо лучилось улыбкой и ноги сами собой подпрыгивали, руки так же сами собой поднимались над головой, и она начинала махать ими, как птица крыльями. И все запланированные прият-

ности будущей правильной и богатой семейной жизни казались смешными и детскими по сравнению с этим взрослым, всю ее изнутри распирающим женским счастьем.

В один из августовских дней Дэн появился в неурочное время, ближе к обеду, – сам нашел ее на пляжике. Как подошел, она и не видела. Сел рядом, положил ладонь на теплую ее спину. Был он задумчивым и грустным – командировка его неожиданно закончилась. Позвонил институтский научный руководитель, приказал все бросить и немедленно возвращаться в Москву. Срочно. Любым способом. Чем быстрее, тем лучше. И еще сказал – интересное дело его ждет. Такое дело, которого он долго ждал и которому страшно обрадуется...

– А что за дело, как думаешь? – легкомысленно поинтересовалась Даша.

– Не знаю. Посмотрим. Да неважно, Дашк, а я ведь тебе и сказать-то ничего хорошего не успел! Все так неожиданно срочно...

– Ну так сейчас скажи! – легко засмеялась Даша. – Ты прямо убитый такой, будто тебя не в Москву, а на войну вызывают!

– Ну, в общем... Я хотел сказать, что я тебя нашел. Понимаешь? На всю жизнь нашел.

– Так и я тебя тоже нашла! Это ж понятно! И тоже на всю жизнь! Я в будущем году школу заканчиваю, в Москву поступать поеду. А ты ко мне в Питер на Новый год приедешь,

хорошо?

– Да я и раньше приеду...

– Ага. Поэтому давай-ка номерами мобильных обменяемся, чтоб нам для начала в этой жизни хотя бы не потерять-ся.

– Ой да, конечно... – спохватился Дэн. Вполне, между прочим, искренне спохватился. И огорчен срочным расставанием тоже был искренне. Он вообще все делал так – очень искренне. Она даже не усомнилась в нем ни на секунду. Даже и в голову ничего подобного не пришло. И поэтому до конца августа, пока домой не собралась, не особо и горевала по поводу отсутствия его звонков. Не звонит – значит, занят очень. Что тут такого-то? Потом, правда, попробовала позвонить сама, но номер его был заблокирован...

Очнулась она уже в Питере. От сентябрьских дождей, от школьных будней, от пугающего отсутствия месячных. А потом вспомнила – их уже и в июле не было. Она тогда еще подумала – от сильной жары, наверное. И все еще была уверена, что Дэн ей позвонит, что он обязательно ей позвонит и приедет и они вместе разделят эту совместную их проблему. Или не проблему. Может быть, радость...

Так и не дождалась Даша звонка. А теперь уже поздно о чем-то думать. Все, все поздно. Поздно ждать звонка от Дэна, поздно самой предпринимать что-то срочное. Права добрая врачиха Лариса Львовна – пора маме сдаваться. Мама есть мама. Уж она-то обязательно что-нибудь приду-

мает...

Дашина мама и впрямь всю жизнь только тем и занималась, что чего-нибудь придумывала. Талант у нее такой был – придумывать. То папе имидж, то папе биографию, то особую какую-нибудь для него фишку. А иначе было нельзя, потому что Дашин папа, сколько она себя помнит, всегда куда-то избирался, и жизнь мамы нервно текла от выборов до выборов. Папа был, как говорила мама, «работающий на постоянной профессиональной основе депутат». То есть, говоря честно, ничего другого в жизни папа не умел, кроме как участвовать в выборах и заседать в законодательных-представительных органах государственной власти. И выбирался-заседал папа, видимо, очень хорошо, потому что эта самая государственная власть подпускала его к себе с каждым выборами все ближе и ближе, и скоро предстоящие очередные выборы сулили папе переезд в Москву. Если папа победит на очередных, самых для него в жизни важных выборах.

Вообще Даша плохо в этой папиной системе парламентов разбиралась. Вернее, не разбиралась совсем. С детства сложилось у нее что-то вроде идиосинкразии ко всем этим терминам, страстно произносимым мамой и папой в периоды очередных нервно-паралитических предвыборных кампаний. Слышать просто не могла про округа, про мандаты, про федеральные списки кандидатов, про электорат... Этот самый электорат представлялся ей чем-то вроде огромной безликой и серой толпы людей, которую папа в конце

концов должен убедить, что он хороший. При помощи мамы, конечно же. Потому что мама для папы всегда придумывала что-нибудь эдакое. В зависимости, наверное, от качества электората в округе. То папа был чуть-чуть рубашкой-парнем, то властным мужчиной-орлом, то очень праведным, но совершенно несправедливо обиженным. Даше иногда казалось, что и любовь родительская строится на этом страстном мамином папиного образа придумывании...

Нет, вообще-то они хорошо жили, конечно. Не бедно. Мама не работала, да и некогда ей было. Дом всегда был полон гостей, которым Дашины родители вечно были за что-то благодарны. Благодарность эта чувствовалась во всем – и в маминых улыбках, слишком широких, чтобы быть по-настоящему искренними, и в папином некотором с гостями панибратстве, слишком уж нарочито-простецком, чтобы быть по-настоящему дружеским. Даша, когда была маленькой, с удовольствием позволяла родителям и себя привлекать к участию в этом действе. Ребенком она была развитым и очень забавным, громко читала всякие детские стишата, страшно умиляя папиных-маминых гостей. А потом выросла, и как отрезало. Нет, она по-прежнему любила родителей, и претензий к ним никаких не имела, и тоже, как и они, хотела перебраться жить в Москву, чтоб именно там сделать карьеру талантливой журналистки. Но в то же время четко, раз и навсегда, определила для себя одно правило: ни к одной, пусть даже и самой распрекрасно-важной урне для го-

лосования она ни разу в жизни и близко не подойдет. Ноги ее не будет ни на одном избирательном участке...

Через закрытую плотно дверь чудом притянулся в Дашину комнату запах кофе. Она вообще в последнее время очень остро чувствовала разнообразные запахи – плохие в основном. А кофе пахло хорошо. Мама замечательно умеет кофе варить. Она вообще все замечательно делает. И себя подать умеет замечательно, и свой дом, и папу... Пойти, что ль, кофе попить? Да и сдаваться уже пора, сколько можно тянуть...

Даша быстро скинула с себя одеяло и встала, прошлепала босыми ногами по теплым, с внутренним подогревом плитам пола. Проходя мимо большого зеркала, и не взглянула в него, даже решительно отвернула голову в сторону. Хватит, не могла она больше маемой исходить. Пусть уж лучше мама что-нибудь теперь придумывает...

– Дашка, ты что, заболела? Почему в школу не пошла? – улыбнулась ей приветливо мама и похлопала рукой по диванной подушке, приглашая сесть рядом. – Иди сюда, малышка, я тебе лоб пощупаю. Температуру не мерила?

– Нет, мам, я не болею, – присаживаясь рядом с ней на диван, осторожно проговорила Даша. – А вообще не знаю. Может, и болею. Если только все это болезнью называется...

– Что – все? Ты нехорошо себя чувствуешь?

– Да как тебе сказать... Нехорошо – это не то слово. Я беременно себя чувствую, мама.

– Не поняла... Дашк, ты так шутишь, что ли? Да? Прика-

льваешься? Это у вас так модно сейчас?

– Да не шутки это, мам. Какие уж тут шутки... Я и правда беременна. И срок большой, уже ничего нельзя сделать. Я вчера у врача была.

– У какого врача? – тупо переспросила мать, продолжая по инерции ей улыбаться, словно никак не переставала надеяться на Дашину «просто модную» шутку.

– У какого врача? У гинеколога, мам. У платного, – серьезно пояснила ей Даша. – И срок, говорю, уже большой. Скоро все видно будет.

– Но погоди, Даша... Как же... Этого не может быть, Даша! Вернее, этого не должно быть...

Мать соскочила с дивана и заходила по гостиной, взметая распущенными длинными волосами и полами тончайшего французского пеньюара. Такая вот она была – порывистая. Даша сидела, следя за ней взглядом. Подумалось ей с не ко времени проснувшейся дочерней гордостью – какая же мать все-таки красивая женщина. Такая молодая, такая идеально вся в салонах и тренажерных залах устроенная, такая энергичная, такая умная... Она всегда, всегда находит выход из любой, самой крайней, самой безнадежной ситуации! По крайней мере для папы всегда находила. Вот сейчас и для нее найдет непременно...

– Даш, ты хоть понимаешь, что нам этого никак сейчас нельзя? – остановилась перед ней мать, плеснула в лицо тихим отчаянием. – Ты представляешь, что это вообще будет?

У Кравцова дочь-школьница, и беременная... Да это же вообще... Это же сразу наружу вылезет! Нет-нет, это невозможно...

Даша промолчала. Она и сама понимала, что невозможно. А что тогда делать? Ей, Даше Кравцовой, надо срочно перестать быть дочерью депутата Кравцова? А как? Она же не знает...

– Так... Так... Надо что-то делать... Надо срочно что-то придумывать... – снова забормотала себе под нос мать, широко вышагивая по большой гостиной. – Дашк, ну как, как ты могла, скажи? Ты ж отца так подвела, ты меня подвела! Ну что, не могла раньше сказать, что ли? Кто хоть он, отец ребенка твоего?

– Да какая теперь разница, мам... – убито проговорила Даша, поднимая на нее глаза. – Я понимаю, что очень виновата. Ты прости меня, мам...

– Ладно, Дашка. Не будем об этом, – великодушно махнула рукой мать, – и в самом деле, какая теперь разница, кто да что. Не будем впадать в пошлые бесполезные эмоции. Будем разумными. В конце концов, я тебе мать или кто? Примем по факту. И будем думать. Так-так... Думать-думать...

Она снова красиво заходила-замелькала у Даши перед глазами, запустив руки в волосы и сжимая крепко голову, будто пыталась выдавить из нее решение подступившей проблемы. Потом резко села рядом с Дашей, вытянула перед ней руку и, загибая пальцы, довольно спокойно заговорила:

– Так, дочь. Давай посмотрим, что мы имеем. Первое – обратиться здесь за помощью мы ни к кому не можем. Как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Такая жареная информация быстро наружу выходит – отца тут же сожрут. Ты, кстати, к какому врачу ходила?

– К анонимному.

– Фамилию свою не называла?

– Нет.

– Молодец. Теперь второе. Раз аборт делать поздно – надо рожать. Но рожать так, чтоб об этом никто не знал.

– Как же, мам... А ребенок? Потом же ребенок будет...

– Да я в курсе, Даш. Но ребенок – это уже третья проблема. Ребенка придется хорошо пристраивать. Чтоб его в твоей жизни больше никогда не было. И в мыслях чтоб не было. И никакого чувства вины чтоб у тебя тоже не было. А для этого надо пристроить его не просто хорошо, а очень и очень хорошо. Ты со мной согласна, Даша?

– Я не знаю, мам...

– То есть как это – не знаешь? Ты что, хочешь одним махом испортить жизнь и себе, и мне, и отцу? Ты больше не хочешь быть талантливой преуспевающей журналисткой? Ты хочешь быть бедной, зачуханной матерью-одиночкой?

– Нет, не хочу.

– Тогда не говори, что ты не знаешь! Все ты знаешь! И теперь самое главное, четвертое. Теперь надо решить, где ты будешь рожать и куда твоего ребенка можно замечательно

пристроить. И не смотри на меня так, Даша! У тебя что, есть другие предложения?

– Нет у меня других предложений, – опустила голову Даша и закрыла лицо послушно опустившимися на него прядками-перышками. – Да я и не смотрю, мам. Я полностью и во всем с тобой согласна. Как ты придумаешь, я так и сделаю.

– Вот и молодец. Ты же знаешь, я тебя в беде не брошу. Я же твоя мать. Я же люблю тебя, черт побери! Ничего, Даш, сейчас мы все придумаем. Спасение утопающих – дело рук самих... Стоп! Стоп, Дашка! – вдруг подпрыгнула она на диванной подушке очень резко. – А чего тут придумывать-то? Все и без нас с тобой придумано! Ну конечно! Это отличный, отличный выход!

– Какой, мам? Что придумано?

– А то! Ты знаешь, кем работает моя мама?

– Бабушка Надя? А кем?

– А самой главной чиновницей в отделе по опеке и попечительству! В том городке, где я родилась! В Синегорске! Вот туда ты рожать и поедешь! Там такая тьмутаракань – тебя никто не найдет и не увидит. И не узнает ничего. А бабушка Надя ребенка через опеку свою хорошо пристроит. Через ее руки, как я понимаю, все потенциальные усыновители проходят, она выберет самых достойнейших из достойнейших.

– Мам, а в школу? Мне там в школу разрешат беременной

ходить?

– Кстати, о школе... У мамы подруга там есть, тетя Катя. Волевая такая тетка, стремительная... Она маме здорово помогала меня растить. Так вот, Дашка, эта самая тетя Катя, насколько я знаю, работает директором школы. Ты представляешь, что это означает?

– Что? Она меня в школу примет?

– И не только, Дашка! Она тебе все ЕГЭ в полном шоколаде нарисует! Ты там такой сертификат получишь – пальчики оближешь! Я ее об этом попрошу. Там же городок маленький, все друг друга знают, обо всем можно договориться. Так что приедешь летом оттуда красивая, не беременная, с отличными баллами-показателями, и сразу в Москву – на журфак!

– Мам, да кому он нужен, сертификат этот...

– А ты не говори так! Бумажка – она везде бумажка! Сегодня на нее никто не смотрит, а завтра, глядишь, и пригодится. И вообще, должна же быть у нас с тобой какая-то легенда... И для себя так же считай, что только за хорошим сертификатом ты в этот Синегорск и поехала. Будто это есть для тебя самое главное. А остальное так – прикладные проблемы. Передвинь у себя в голове все наоборот, Даш! Беременность – это вторичная проблема, а хороший сертификат по результатам ЕГЭ – первичная! Я понимаю, что это хрень собачья, но просто тебе самой так удобнее будет. Хорошо?

– Да, мам. Все так. Я постараюсь. Я передвину, конечно.

– Так, надо срочно маме звонить... И тете Кате... Или нет, звонить лучше не будем. Лучше сразу ехать. Чего звонить-то? Не дай бог, наш телефон прослушивается... Вот прямо завтра и поедem. Я утром в гимназию схожу, документы твои заберу. А сейчас за билетами сгоняю. Ты собирайся пока, ага?

– Хорошо, мам.

– И еще вот что, Даш... Папе ничего не говори, ладно? Папа правды знать абсолютно не должен. Я сама ему вечером скажу. Я придумаю, что и как сказать...

Глава 2

Как рано нынче в их городок пришла зима – никто и опомниться не успел. А осени и не было практически. Не подарила им нынче природа самого прекрасного времени года с солнцем и пьянящей сыростью и пряных запахов палой листвы не подарила. Сразу после лета поползли над городом тяжелые, словно сгустки крахмала, снежные облака, обволокли его зимним холодом. Конец октября всего лишь, а уже первый снег выпал, превратился к вечеру в жидкую грязную кашу под ногами. И городок сразу стал весь мокрый и жалкий, выглядывал старыми оштукатуренными домами сквозь черные ветки тополей. Так и хотелось сказать ему: не грусти, дорогой, весна еще придет... Вообще, она его любила, этот город с красивым названием Синегорск. Было у него какое-то особое чувство собственного достоинства, если можно так про город сказать. Как приехала сюда сорок лет назад после институтского распределения, так и полюбила. Сама-то она в таком же вот городке выросла, в другой области. Только он, говорят, погиб уже совсем, заплюхался в сплошной безработице и беспорядке. А этот ничего, держится. И даже очень благополучно, можно сказать, держится. Все предприятия работают, школы учат, магазины торгуют. Может, потому, что с местной главой городку больше повезло? А что, он у них молодец, хоть и старый уже. На-

стоящий хозяин. По утрам на работу не на служебной машине едет, а пешком идет. И не дай бог где какой коммунальный беспорядок увидит! Потому и выглядит всегда их городок чисто и опрятно. Кому ж из начальников охота в плохих ходить? А еще местные жители считают, что в свое время глава просто-напросто спас их городок от вымирания, позволив немцам контрольный пакет акций градообразующего предприятия выкупить. Теперь с рабочими местами проблемы нет. Да и остальная обстановка у них по району относительно благополучная, и по ее ведомству – тоже. В других местах органы опеки вон с ног сбиваются, а у них ничего. Спокойно. Несмотря на разные выдумки высших чиновников относительно детей, оставшихся без родительского попечения. Чего тут выдумывать-то? Нет родителей – детдом есть. Кому надо ребенка – усыновит. А теперь придумали головную боль с патронатом всяким да приемной семьей... Так что хрупкое уж очень теперь спокойствие в ее ведомстве. Можно сказать, очень относительное...

Надежда Федоровна вздохнула, подумав об этом относительном спокойствии, и мысленно плюнула трижды через левое плечо. Не сглазить бы. Она вообще с трудом переносила всякие жизненные беспокойства, терялась перед ними и сдавалась им без боя. Потому и в школе работать не смогла, в этом хаосе беспокойств и недоразумений. Потому и ушла в чиновницы. Хотя, если честно, опека и попечительство – тоже дело нервное да хлопотное. Но все ж таки не такое су-

етливое и опасное, как дело педагогическое. Да и по зарплате если судить, чиновницей быть гораздо выгоднее...

Вот подруга ее Катя – та прирожденный педагог. Сильная, властная, выдержанная. Приехали они с Катей в этот городок по распределению из одного института. Две училки-подружки. Такие разные, а все равно подружки. Потому что Катя с удовольствием ею руководила, а она, Надя, с удовольствием ей подчинялась. Потому что у нее, у Нади, всегда к жизни одни только вопросы были, а у Кати – одни только сплошные ответы. Они даже и разговаривали между собой так: Катя исключительно восклицательно, а она, Надя, исключительно вопросительно. Что делать – характер у нее такой, слабый да трусоватый. А у Кати характер властный, а к нему еще и ума палата впридачу. Потому сейчас и руководит одной из синегорских школ, и сотворила из нее самую образцово-показательную школу в районе. Молодец. Хотя, если судить по важности чиновничьей иерархии, ее место заведомо опеки и попечительства поважнее будет. Она с отчетами на прием к самому главе ходит. Она у него в своих, в преданных числится, как старейший и опытный в своем деле специалист. Правда, последние уж месяцы ходит, судя по всему. Как шестьдесят стукнет – выгонят. Нельзя по закону чиновникам после шестидесяти места свои занимать. И кто это такую чушь придумал, интересно? Учителем после шестидесяти быть можно, а чиновником нельзя? Ерунда какая. А вообще, пусть будет так, как будет. Отдохнет хоть на пенсии!

А если заскучает – к Катьке в школу рванет на полставки...

Зайдя домой, Надежда Федоровна опустилась на скамеечку в прихожей, стянула с ног промокшие насквозь ботинки. Устала. А дома хорошо, тепло. Сейчас поужинает, нальет себе горячего чаю, развалится на диване перед телевизором... Хорошо. Не так уж и страшна эта пенсия, как ее рисуют. Да и заслужила она тихий этот отдых. Вон оно, доказательство ее заслуги, со стены на нее смотрит. Дочка Аленушка со всем своим семейством ей со стены улыбается. Все красивые, все довольные, все такие успешные... И все у них так замечательно складывается, прямо как в кино. Она сама это видела, когда в прошлом году к ним приезжала. Ненадолго, правда, – стеснять их не хотелось. Да и кто она для них? Провинциальная мамаша, которую и гостям-то показывать неудобно? Да и не надо ей этого, она не гордая. Она отсюда, из Синегорска, ими прекрасно погордится. Этой гордостью она, можно сказать, здесь и живет. Все же кругом знают, чего ее Аленушка в жизни достигла! А внучка Дашенька – какая выросла умница-красавица! Она, когда у них в красивом городе Санкт-Петербурге гостила, ее даже побаивалась слегка. Себе на уме девочка, не попрыгунья какая-нибудь легкомысленная. Не как эти нынешние девчонки – сплошное родительское наказание. Вот недавно, например, Катя рассказывала, как девочка у нее одна с пузом в одиннадцатый класс заявила. Первого сентября пришла – все учителя ахнули. И Катя ее пустила. Говорит: а что делать? Иначе-то нельзя.

Нету сейчас, говорит, такого закона, чтоб ребенку в образовании отказывать. Будто бы это есть не что-нибудь, а злостное нарушение его, бедного беременного ребенка, человеческих прав. А вот куда она, эта девочка, потом с ребенком приткнется? Никуда и не приткнется. Ей же и придется потом с этим ее ребеночком заниматься, как пить дать, опекать да попечительствовать...

Нет, оно по большому счету и не страшно, конечно. Всякое бывает. Но не в школе же! Она и сама так же вот Алenuшку без мужа родила... Здесь уже родила, в Синегорске. Влюбилась на последнем курсе, перед самым дипломом, да и согрешила невзначай. А здесь у нее, у молодой учительницы, грех наружу и вылез. Чуть тогда от стыда руки на себя не наложила. Амoralкой жуткой считалось. Незамужняя молодая учительница – и беременная! Хорошо, Катя рядом оказалась, каменной стеной перед ней встала, никому ее в обиду не дала. И растить Алenuшку потом здорово ей помогала, второй практически матерью для нее была. А одной ей с дочкиным характером и не справиться б было. Слишком уж своевольной, слишком уж гордой да самонадеянной девчонка росла. С детства ей заявляла, что жить в этой дыре никогда не будет, что жизнь свою сделает себе сама – достойную и богатую. Она все пыталась ее на землю опустить, чтоб знала Алена свое место, а Катя, наоборот, девчонку поощряла всячески. Они даже поссорились слегка, когда Алена объявила им вдруг, что в институт будет поступать только мос-

ковский, и никакой больше. Она помнит, как плакала тогда и уговаривала дочку поостыть в своих тщеславных планах, а Катя на нее сердилась ужасно. Выходит, правильно сердилась. Она к тому времени уже до директора школы как раз и дослужилась и заставила всех учителей вокруг Аленки гопака плясать, чтоб к экзаменам ее хорошенько подготовили. Спасибо ей за это, конечно. Всю свою душу Катя в ее ребенка вложила. Да и то – своих-то детей у нее так и не народилось... Замуж вышла, а ребеночка завести не сумела. Выходит, и гордиться ей теперь особо нечем. А ей, скромной матери-одиночке, как раз и есть...

Надежда Федоровна улыбнулась, вздохнула довольно, еще раз кинула взгляд на фотографию на стене. Подумалось вдруг – вот бы приехали они как-нибудь все вместе к ней в Синегорск! Взяли бы и приехали! На юбилей, например. А что? Они ж ни разу здесь за всю жизнь так и не были – ни зять Гриша, ни внучка Дашенька... Вот уж она бы ими погордилась! Как прошлась бы по улице! И был бы у нее майский день, именины сердца...

Наверное, зря Надежда Федоровна об этом подумала сейчас. Не знала просто, что мечтать иногда вредно бывает. Что мечты иногда и сбываются, конечно, но странным совершенно образом – шиворот-навыворот. Что мечтаешь вроде бы о гордом чем да значительном, как и полагается, а на деле, при явном вдруг исполнении желаний, выходит сплошной и совершеннейший позор. Никогда же не знаешь,

когда булгаковской Аннушке вдруг вздумается разлить свое масло на рельсах судьбы! Вот и она не знала, что внучка Дашенька в это время уже собирает чемодан в своей комнате, а дочка Алена отчаянно спорит с мужем, доказывая необходимость срочного ее отбытия из благополучного Санкт-Петербурга в какой-то там захудало-провинциальный город Синегорск...

Глава 3

– ...Гриша, ей надо обязательно туда уехать! Я же говорила тебе – там мамина подруга директором школы работает! И она сделает так, что у нее будет шикарный сертификат по результатам ЕГЭ! Ну как ты не понимаешь-то, господи?

– Какой ЕГЭ? Что это вообще такое – ЕГЭ? Ты можешь объяснить вразумительно? – сердился Григорий Николаевич Кравцов, с удивлением глядя на взволнованную жену. Впервые в жизни он не понимал ее. Чего это вдруг его умнице Алене такая блажь в голову пришла – отправить дочку за тридевять земель ради какого-то там ЕГЭ?

– Это единый государственный экзамен! И по его результатам можно в любой институт попасть! Даже самый престижный! А ей тетя Катя там поможет получить эти результаты! Чего тут непонятного-то?!

– Господи, Алена... Да она и так поступит! Она и здесь хорошо учится! Сертификат какой-то придумала... Чего ты несешь глупости всякие? Когда это у нас по бумажкам в институты принимали? Я вот, например, только один способ знаю, самый действенный...

– Какой способ? Взятку очередную дашь? Чтоб тебя поймали, да? Ты хоть понимаешь, что сейчас, перед выборами в Госдуму, начнется настоящая охота за компроматом? А тут такой надежный вариант...

– Не знаю, не знаю... Темнишь ты что-то. Ну, а как мы, например, всем объясним, что Дашка уехала? Зачем?

– Да очень просто объясним. Уехала, мол, ухаживать за больной бабушкой. Благородство такое сама проявила. Других, мол, детей не заставишь подобный подвиг совершить, а наша сама вызвалась...

– Да глупости, глупости ты говоришь! Кто в эти объяснения поверит-то? Сразу скажут, что Кравцов на тещу денег пожалел, бедную дочку за ней ухаживать отправил.

– Ну почему – отправил? Она сама будто попросилась, потому что добрая очень. Не как все. У доброго и честного отца выросла добрая и честная дочь.

– Да? А что, ты права... Пожалуй, есть в этом что-то такое... Ну ладно, если так... Но все равно я этого как-то не понимаю, Ален...

«Конечно, не понимаешь, – с раздражением подумала Алена. – Не понимаешь, потому что ужасной правды не знаешь. Посмотрела б я на тебя, если б ты ее узнал...»

Рано утром они уехали. А к вечеру добрались уже и до Синегорска. Алена торопливо шла по знакомым с детства улицам, таща за ручку огромный чемодан на колесиках, морщилась от неприязни к этим серым трех-пятиэтажным блочным и кирпичным домам и даже смотреть боялась в сторону Даши, понуро шедшей на полшага сзади. Потом все-таки повернула к ней голову, улыбнулась через силу:

– Ничего-ничего, Дашенька. Я понимаю – здесь не Питер,

конечно. Но это же ненадолго!

– Да ладно, мам. Ничего, конечно. Только холодно здесь. Зима почти...

– А мы уже пришли, Даш. Потерпи, сейчас согреешься. Вон бабушкин дом. Только ведь ее, наверное, сейчас нет... Я звонить ей не стала все-таки, чтоб не пугать заранее. А ключ возьмем у соседки. Насколько я помню, она всегда у соседки ключ оставляет, из двадцать третьей квартиры. У нас так заведено было. Если только не поменялось что...

Дверь двадцать третьей квартиры открылась с ходу, как только Алена в нее позвонила, явив им во всей красе соседку бабу Любу. Сколько Алена себя помнила, женщина эта во все времена именно бабой Любой и числилась, словно и родилась уже этой самой «бабой», словно и не было у нее ни положенного детства, ни молодости, ни обязательного женского расцвета. В своем доме она несла давно уже взятые на себя обязанности то ли унтера Пришибеева, то ли всеобщего швейцара, то ли добровольного охранника, то есть держала у себя ключи от всех квартир и бдительно несла службу по отслеживанию чужих и в гости приходящих. Вот и сейчас уставилась на Алену подозрительно, не узнавая:

– А вы кто такие будете? Чего это я вам за просто так ключи должна давать?

– Вы что, меня не узнали, баба Люба? – улыбнулась ей радостно-приветливо Алена. – Я же дочка Надежды Федоровны из двадцать девятой квартиры!

– Ты? Надькина Аленка? Да не может быть... Ух, какая стала! А сколь ты здесь не была? Матерь-то твоя шибко уж тобой гордится! И тобой, и мужиком твоим... А это кто? – показала она пальцем на стоящую за Алениной спиной Дашу.

– А это дочка моя, баба Люба.

– Красивая. Только зря штаны рваные такие носит. Ишь, как на коленках продраны...

– Да у них теперь мода такая, баба Люба. Чем джинсы рванее, тем моднее, – засмеялась Алена, обнимая Дашу за талию.

– А ты не позволяй! Мало ли что – мода. У нас тут Надька-то на виду, в начальниках ходит. Не последняя баба в городе! Ей, чай, стыдно будет...

– Вы бы нам лучше ключи отдали, бабушка, – то ли насмешливо, то ли сдержанно-раздраженно попросила Даша, – а потом бы уже мой прикид обсуждали!

– Ишь, шустрая какая! – обращаясь к Алене, кивнула в Дашину сторону баба Люба. – За словом в карман не полезет! Ты-то такая же в девках шустрая была, все бегом носилась, туда-сюда, ширь да барь...

Повернувшись неуклюже на отекающих ногах и продемонстрировав им со всех сторон вытертый фланелевый халат с блеклыми розами на синем когда-то поле, она растворилась в маленьком коридорчике прихожей, оставив дверь открытой. «Интересно, сколько же ей лет сейчас? – подумала вдруг

Алена, осторожно заглядывая в прихожую. – Когда я уезжала отсюда, она такой же старой была, и так же сипела тяжело, и так же ногами шаркала... Господи, и в прихожей все то же самое! Жуткие синие стены, тусклая лампочка, старое корыто висит на гвоздике... Бедная баба Люба. Надо было по дороге в магазин зайти, конфет хоть купить, что ли...»

– Вот вам ваши ключи, девки. Идите домой, коль приехали. А Надька еще не скоро придет, когда уж стемнеет только. А ты надолго к ней, Аленка?

– Нет, баба Люба. Я утром уеду. А Даша останется.

– А чего это ты матери девчонку спрашиваешь? Не заладилось у тебя чего, что ль?

– Все у меня заладилось. Не переживайте. И еще – вот. Возьмите, пожалуйста. Хотела вам гостинец какой купить, да решила, вы сами себе купите, чего захочется...

Алена сунула в ее оттопыренный фланелевый карман тысячную бумажку и, подхватив Дашу под руку, начала торопливо подниматься по лестнице, с удовольствием услышав за спиной удивленно-счастливый старушечий возглас. «Бедная бабка, – снова грустно подумалось ей. – Для нее эта жалкая бумажка, наверное, составляет целое состояние. А что – половина ее пенсии, считай...»

Потом она долго открывала знакомую с детства дверь. Почему-то руки тряслись от волнения, и ключ не желал попадать в замочную скважину. Ностальгия обуяла, что ли? Вот еще напасти... Никогда она не скучала по родному дому,

никогда ее сюда не тянуло. Даже как будто и воспоминаний детских в памяти не сохранилось. Казалось, что жизнь ее началась именно с того момента, когда уехала отсюда и поступила в Московский инженерно-строительный... Это потом уже все пошло набело – и замужество, и распределение в маленький городок в Ленинградской области, и первые Гришины выборы...

Даша, глядя на эти мучения, молча отобрала у матери ключ и быстро вставила его в замочную скважину, провернула, решительно открыла дверь и первая вошла в квартиру. Всю дорогу ее мутило. И в голове после самолета осталась страшная пустота, тупое и противным высоким звуком гудящее пространство. Ничего ей уже не хотелось. Ни чаю, ни решения проблем, ни распрекрасно-чудесного сертификата по результатам единого государственного экзамена, ни факультета журналистики... Хотелось лечь куда-нибудь в теплое место, укрыться с головой и пропасть. И чтоб не видел ее никто. И она чтоб никого не видела. А потом про нее вообще забыли бы, и она сама про себя забыла...

– Вот, Дашенька, здесь и прошло мое детство... – грустно произнесла Алена, быстро обойдя две маленькие смежные комнатки. – Здесь вот мой письменный стол стоял, а там кровать...

– Мам, здесь же повернуться негде. Как вы жили-то? Ужас какой, – равнодушно следя за ней глазами, проговорила Даша.

– Нет, милая, не скажи! – повернулась к ней Алена, красиво взмахнув волосами. – По тем далеким временам квартира эта была для нас с мамой почти роскошью! Двухкомнатная на двоих! Мама говорила, тетя Катя ее чудом тогда для нее выбила, как для матери-одиночки. Она очень, знаешь, упрямая, эта тетя Катя. То есть для тебя Екатерина Тимофеевна, конечно. Сама увидишь. Классная такая тетка! Она меня очень любила. И тебя полюбит, я в этом уверена. И все для тебя сделает. Я завтра утром схожу к ней, поговорю. Все будет хорошо, Дашенька. Все устроится просто замечательно...

Проходя мимо дивана, на котором сидела Даша, она быстро прижала ее голову к своему боку, погладила-потрепала волосы. Потом так же быстро прошла на кухню, загремела чайными чашками, хлопнула несколько раз дверцей холодильника.

– Даш, иди чай пить! – позвала вскоре, выглянув из кухонного проема в комнату. – Я еще котлеты разогрела, будешь?

– Нет, мам, не хочу. Я бы легла лучше. Плохо мне.

– Погоди, Дашенька. Сейчас бабушка придет. Надо же поздороваться хотя бы. А потом сразу ляжешь, ладно? А я сама с ней поговорю, объясню ей все...

– Ладно, мам. Поздоровуюсь. Слушай, а она, эта бабушка Надя, не очень занудная?

– Дашк, ты что, с ума сошла? Она ж гостила у нас год назад! Целую неделю жила. Ну, ты даешь...

– Да я как-то ее и не поняла, мам. Она странная такая... Помню, сидела себе мышкой в уголке и улыбалась всем вежливо. Я ей еще предложила город показать, а она на меня руками замахала – что ты, мол, Дашенька, стоит ли тебе на меня свое время тратить...

– Да, она такая, Даш. Скромная очень. Лишнее слово сказать боится.

– Мам, у нее даже компьютера нет...

– Ну и что? Зачем тебе? Ты же свой ноутбук взяла!

– Да я не о том... Странно просто. Как это – в доме нет компьютера?

– Да, Даша, случается у людей такая трагедия. Бывает... – рассмеялась Алена. – Вот потому мы с тобой сюда и приехали, чтоб оградить тебя от такой жизни. Чтоб устранить препятствие к жизни нормальной, достойной, с обязательным присутствием в ней компьютера и других таких же приятных атрибутов, которые стали для тебя обыденностью... Эх, Дашка... Не знала ты другой жизни... Слава богу, хоть умная выросла, и за то спасибо. Хоть истерику мне по поводу принятого решения не устроила.

– Ну какую истерику, мам? Я же понимаю все...

– Вот и молодец, что понимаешь. А бабушку ты не обижай. Ей и так нелегко придется, с твоей проблемой всякой возни много будет. Это при ее-то трусости да щепетильности... О, а вот и она идет, легка на помине. Ох и удивится же сейчас...

Алена бросилась бегом в прихожую, схватила в охапку вошедшую в квартиру мать и, не дав ей опомниться, закружила в тесном коридорчике. Надежда Федоровна сначала таранилась молча, ничего не понимая с перепугу, потом радостно всплеснула руками:

– Господи, Аленушка, Дашенька! Да что же это? Как вы? Почему не предупредили? Как снег на голову! А мне сейчас баба Люба говорит... А я подумала – совсем рехнулась старая... А тут и правда...

– Правда, мама, правда! Вот, мы приехали. Ой, мамочка, как я рада тебя видеть...

– Здравствуйте, бабушка, – вежливо проговорила и Даша, поднимаясь с дивана и подставляя щеку для поцелуя. – Я тоже очень рада вас видеть.

– Ой, а у меня и угостить вас особо нечем! Девочки, я сейчас! Я только в магазин сбегаю! Я быстро! – суетилась Надежда Федоровна бестолково, перебегая из прихожей в комнату. – Надо же, как снег на голову... Радость-то какая, господи...

– Мам, да не надо ничего! – пыталась остановить ее Алена. – Дашка все равно есть не хочет, а мы с тобой сейчас чаю поьем. Я ведь утром уже уеду, мама...

– Как? Почему утром? А что случилось, Аленушка?

– Мам, так я пойду спать, да? – жалобно проговорила Даша, показывая рукой на тахту в соседней комнате. – Я так устала, не могу больше...

– Ой, деточка, я тебе постелю сейчас! – снова засуетилась вокруг нее Надежда Федоровна. – Сейчас, погоди, я быстро...

«Ну вот. Теперь я совсем, совсем далеко от тебя, Дэн, – лежа в постели и рассматривая серый низкий потолок, грустно подумала Даша. – Сейчас мама с бабушкой сядут, решат мою проблему... Это всего лишь моя проблема, Дэн! Если бы ты знал, как мне жаль, что все так получилось! Я постараюсь никогда больше о тебе не вспоминать, Дэн...» Знала она, конечно же, что врет сейчас самой себе изо всех сил. И вспоминать будет, и плакать будет, и сердце надирать обидой. Одним себя только успокаивала – не будет проблемы, не будет и Дэна в ее памяти. Потому что мама все хорошо придумала. Потому что бабушка сделает так, как мама придумала. И все будет хорошо. Должно быть хорошо, просто обязано быть хорошо!

Заснула Даша быстро. И ни одной реплики не услышала из той трагедии, что разыгралась на кухне в эту ночь для ее бабушки Надежды Федоровны. Трагедии то ли материнской, то ли просто для нее общечеловеческой...

– ...Но это же никак невозможно, Алenuшка! Я просто не смогу этого сделать! – прижав руки к бледным дрожащим щекам, повторяла Надежда Федоровна. Смысл Алениной просьбы очень долго не мог уложиться в ее голове, и она все переспрашивала, все уточняла у дочери, что же она такое ужасное имеет в виду, говоря о том, что Дашиного ребен-

ка «надо пристроить в очень хорошие руки». А самое главное – что сделать это должна именно она, Надежда Федоровна. Должна «пристроить» куда-то своего будущего правнука. Или правнучку. Да еще и воспользоваться при этом своим служебным положением? Ну как же это? Это же и впрямь невозможно! И опять, опять все ее горестные по этому поводу возгласы сами собой перетекали в сплошные только грустные и смятенно-трусливые вопросы, и ответов на них подходящих не было...

– Ну почему же невозможно, мам? Господи, да сейчас все возможно! Кругом такое чиновники творят – ни в одном детективе не прочитаешь!

– А... Даша? Она что, на такое согласна?

– О господи, мам! Ну конечно же, согласна! Она же разумная девочка. У нее вся жизнь впереди, чего она портить ее себе будет? К тому же она прекрасно понимает, как это может на карьере отца сказаться. Он ведь только у настоящих ее истоков стоит... Не хотела тебе говорить, но скажу. Сейчас так ситуация предвыборная благополучно складывается, что у него есть все шансы попасть в Москву, в Госдуму. Так что помоги нам, мама. Ты же не хочешь, чтобы все у нас прахом пошло?

– Нет, конечно же, не хочу... – замахала испуганно на дочь руками Надежда Федоровна. – А только, Аленушка, не понимаю я, при чем тут Дашин ребенок? Ну ладно, пусть здесь рождает. Понятно, что это нехорошо. Скандал, конечно. Школь-

ница с беременностью... А потом-то, когда родит? Ну, есть у дочки ребенок, что с того? Не воспитаете, что ли?

– Ой, мам, ну какая ты непонятливая, ей-богу... Что мне, с начала все начинать? – застучала раздраженно кулачками о столешницу Алена. – Не предполагала я, что ты так это все болезненно воспримешь... Я думала, сама нам помочь захочешь! А ты! Чего ты так боишься-то, мам?

– Да я не боюсь, Аленушка. Или боюсь?.. Я... Я сама не знаю... Просто у меня в голове не укладывается!

– Да, я поняла, мам. Ты и в самом деле боишься. Только чего? Глупой людской молвы, да? Позора на свою голову?

– Да, Аленушка. Наверное, и позора боюсь. Меня ведь здесь каждая собака знает. Все на виду...

– И что? Что тебе до этого позора, мам? Камнями, что ль, на улице закидают? И вообще, я не понимаю, тебе внучка дороже или общественное мнение? У девчонки судьба рушится, а ты... Ну куда, куда она с этим ребенком потом денется? Ни замуж толком не выйдет, ни института не закончит! Смотри на вещи проще, мам! И сама для себя определи, что тебе дороже!

– Да я все понимаю, Аленушка. А только все равно ведь рука не поднимется. Чтоб своего собственного правнука своими руками в чужую семью... Аленушка, а давай я его себе оставлю? Дашенька родит и пусть себе уезжает? А я с ребенком останусь? А вы мне материально поможете...

– Нет, мама, – очень твердо, даже жестко произнесла Але-

на. – И не думай даже об этом. Тебе вот-вот шестьдесят стукнет, и куда ты с ним потом? Лет через десять к нам отправишь? А мы с ним куда? И мы ему чужие, и он нам...

– Ну, тогда я не знаю, что делать... – безнадежно развела руками Надежда Федоровна.

– Зато я знаю, мам, – уверенно произнесла Алена. Подсев поближе к матери, она ласково обняла ее и, положив подетски голову на ее круглое теплое плечо, снова заговорила, четко разделяя слова, словно укладывала их в материнской голове ровными, аккуратно разглаженными слоями: – Так надо, мама. Все равно у нас выхода никакого, кроме этого, нет. И у тебя нет. Этот вариант самый разумный, согласишься. И Дашке будет хорошо, и нам с Гришей, и ребенку тоже... Ты ведь постарайся, чтоб ему было хорошо? Да тебе еще будущие усыновители огромное спасибо скажут! Девчонка молодая, здоровая, и ребенок здоровый будет... Потому грех тебе не воспользоваться служебным своим положением. Я тебе верю, мам, ты все сделаешь хорошо. Я знаю, ты меня никогда не подведешь... Ведь правда, мамочка?

– Ну конечно... Да, Аленушка, конечно... – вся будто подтаяв и растекшись от ласкового дочкиного голоса, тихо приговаривала ей в ответ Надежда Федоровна. Странно, но и утверждения ее тоже звучали сплошными вопросами. Хоть на последней самой точке, хоть в самый распоследний момент, но вопрос этот все равно успевал выплывать откуда-то и впрыгивал коварно на свое обычное место в конце

любой фразы: – Да, да, Аленушка?.. Все будет так, Аленушка?..

– Ну, вот и хорошо. Вот и умница, мамочка. И вот еще что – ты к Дашке сейчас особо не лезь, ладно? Сама понимаешь, как она себя чувствует. Начнешь ее поучать – и нагубить может, у нее не задержится. А лучше вообще этой проблемы не касайся. Пусть живет, пусть учится. Завтра я к тете Кате схожу, документы Дашкины отдам. Да и просьба у меня к ней есть личная... Как она, кстати? Все такая же пробивная-стремительная?

– Да, все такая же. А что за просьба, Аленушка?

– Да ничего особенного, мам. Хочу, чтоб она Дашке ЕГЭ в шоколаде оформила. Ну так, для проформы – вдруг пригодится? Чтоб измудрилась как-нибудь, есть же всякие, наверное, лазейки. Дашка девочка очень неглупая, но кто его знает, как на учебу эта ее проблема повлияет... Да и пропустит она наверняка много из-за токсикозов всяких, и неизвестно еще, как сами роды пройдут... В общем, подстраховаться не помешает.

– Но это, наверное, невозможно, Аленушка? Насколько я знаю, там особые какие-то введены правила, строгие очень. Конверт с вопросами для тестирования вскрывают в самый последний момент. И еще всякие другие строгости, мне Катя рассказывала...

– Ну да, ну да... Вот послушаешь тебя, мамочка, ну прям все у нас невозможно! Одни у нас кругом честные, благород-

ные чиновники трудятся, куда взор ни кинь! Что в образовании, что в медицине, что в опеке и попечительстве... Нельзя быть такой наивной, мам. И трусоватой такой тоже нельзя быть. Я бы, например, на твоём месте очень гордилась тем, что представилась реальная возможность дочке и внучке помочь.

– Да я помогу, Аленушка. Конечно, помогу. Только все равно как-то нехорошо это?.. Цинично как-то?..

– Что ж, может, ты и права. Даже, скорее всего, права. Действительно, цинично. А что делать, вся наша жизнь – один сплошной цинизм. Так что давай не будем с тобой растить розы на помойке, ладно? Не будем говорить про хорошо-нехорошо. А будем делать то, что нам жизнь диктует.

– Хорошо, доченька.

– Ну, слава богу, договорились. А сейчас я немного пойду посплю, ладно, мам? С ног валюсь от волнения да усталости. Я ведь тоже чуть с ума не сошла, когда мне Дашка позавчера о своём беременном положении объявила! Уже третьи сутки не сплю, получается. А утром вставать рано...

– Алён, а может, ты удержишься с отъездом? Пожила бы недельку...

– Неделёчку?! Да ты что, мам! Нет, не могу. Дел много. Гриша же там один... Я лучше перед Новым годом на пару дней приеду, ладно? И потом ещё, когда Дашка рожать будет... А ты давай времени тоже не теряй, придумывай чего-нибудь! Просматривай базы данных об усыновителях,

или как там это у вас называется? И не трусь, мам! Если уж действительно тебя местные праведники камнями закидают – к нам потом пожить приедешь. А как страсти утихнут – вернешься. Им, праведникам, всегда только живая жертва нужна. А как исчезает она из поля зрения, и праведность вместе с ней исчезает...

Алена вздохнула коротко и опустила плечи, будто устала враз от нервно-беспокойного этого разговора. Силы кончились. Потом поцеловала мать в мягкую щеку, поднялась из-за стола и пошла в комнату, на ходу расстегивая пуговицы белой шелковой блузки. И заснула мгновенно, как только голова ее коснулась подушки.

Надежда Федоровна в эту ночь спать так и не легла. Знала, что не уснет. Отчего-то с тоской всплыл в памяти вчерашний ее день – такой беззаботный, такой переполненный привычной гордостью за далекую и успешную дочку, такой уютный и мягкодиванный, с вечерним чаем и телевизором... Что ж делать – жизнь иногда преподносит такие вот сюрпризы. Еще вчера у тебя все было замечательно, а сегодня – на тебе! Садись и решай на старости лет задачу, и молодому непосильную. Мучайся, а решай, раз ты есть для внучки родная бабка. И права Алена – кому ее еще решать-то? Раз попала единственная твоя внучка в жестокий водоворот судьбы, не бросать же ее там... Спасать как-то надо. Самой в этот водоворот придется теперь прыгать, другого выхода нет. Отрываться от своего уютно-устроенного берега и прыгать...

Утром они будить Дашу не стали. Алена прокралась на цыпочках к ней в комнату, поцеловала, едва коснувшись, в теплую румяную щеку, постояла еще немного над беременным своим ребенком и ушла. В конце аллеи, ведущей на центральную улицу, они распрощались. Надежда Федоровна хотела тоже пойти в школу к Кате, да Алена не дала. Сказала, что только помешает она важному их разговору. И на автобус, сказала, провожать ее тоже не надо. Зачем? Долгие проходы – лишние слезы. Пусть лучше к Новому году с подарками ждет...

Глава 4

Промаяться один на один с новыми мыслями Надежде Федоровне пришлось лишь до обеда. Слишком уж шершавыми и беспокойными были эти мысли. Скребли в голове наждаком, отзывались колкой сердечной болью. И давление враз подскочило, и таблетка не помогла, и настойка валерианы, и валокордин тоже. В обед Надежда Федоровна решила Кате позвонить. А потом не вытерпела, подхватила и понеслась в школу сама. Поняла, что такие новости по телефону обсуждать нельзя. И не потому, что подслушать кто может в параллельную трубку, а потому, что трубка просто-напросто всех ее горьких вопросов не примет и до другого абонента не донесет. Лучше до этого абонента самой добежать – десять минут всего... Так уж сложилось ей за долгие годы их дружбы, что бежала она к Кате с любой проблемой. Потому что Катя – уверенная и смелая и всегда знает, как ее в чувство привести. А она, Надя, полная ей противоположность. Потому что разговаривать умеет только вопросами. А Катя, наоборот, одними лишь твердыми восклицаниями выражается...

Влетев в Катин кабинет, Надежда Федоровна плюхнулась с ходу на стул и сразу собралась было заплакать, но была остановлена сердитым Катиным голосом:

– О-о-о... Ну, я так и думала, что ты уже успела расква-

ситься! Прекрати немедленно, Надька! Чтоб я тебя такой больше не видела! Подумаешь – дочь к ней с просьбой обратилась! Беда у нее, видишь ли! И молчи лучше! Ничего мне не говори! Знаю я все наперед, что ты мне скажешь!

Катя сердито блеснула в ее сторону стеклами дорогих очков, заправила за ухо свесившуюся на щеку седую прядь. Седину свою она не прятала принципиально. Считала, что ни к чему женщине в ее возрасте старательно молодиться. Что это даже унижает несколько саму природу женщины. Чего, мол, за молодостью гоняться – все равно не догонишь. Запыхаешься только. Пусть уж принимают ее такой, какая есть. Чтоб по-честному, без обмана. Она вообще никаких отклонений от прямого пути не любила и жила по строгому, раз и навсегда установленному для себя принципу – раз взялся за дело, делай его до конца и не кокетничай с собственными пустыми эмоциями. Да и самих сопливых эмоций образцовый директор образцовой школы Екатерина Тимофеевна Данильцева тоже не любила, потому как считала их делом для жизни очень вредным. Была она прямая, строгая и стремительная и любила во всем порядок. А еще больше она любила этот порядок для всех определять, и оттого даже лицо ее, казалось, было похоже на должностную инструкцию. Глянешь в него, и уже хочется бежать, исполнять свои обязанности, напрочь забыв предусмотренные этой же инструкцией какие-никакие права...

– Но, Кать... Ты не поняла, наверное?... – нерешитель-

но переспросила Надежда Федоровна. – Может, тебе Алена не все рассказала?

– Да все я поняла, господи! И все она мне рассказала! И даже то, как ты перед ней кочевряжилась!

– Кать, но ты-то хоть представляешь, как все это будет? Меня же со свету сживут!

– Да кому ты нужна, со свету тебя сживать! Ну, посудачат, конечно, не без этого. А потом перестанут. А ты терпи! Ради своего ребенка и не такое можно вытерпеть!

– Да я согласна терпеть все, что угодно, но как же я... Своего родного правнука... Или правнучку...

– А ты для начала о внучке своей подумай. А правнучек да правнуков она тебе потом, попозже народит. Кстати, какая она, Аленкина дочка? Как она тебе показалась? Аленка говорит – хорошая девочка. Спокойная, умненькая. Но она же мать, у нее мнение свое, субъективное.

– Да нет, Кать, все так. Дашенька и спокойная, и умненькая. Тебе понравится.

– Ну, значит, и тем более надо помочь девчонке! Пусть завтра ко мне утром приходит. Я ее в 11 «Б» определю. Туда, где Наташа Егорова учится. Ну, та, про которую я тебе рассказывала. Которая с семимесячным пузом в школу первого сентября заявила. Ой, времена пошли! У твоей-то как, не видно еще?

– Нет вроде...

– А у Егоровой уже на лоб лезет. За парту с трудом садит-

ся. Сейчас у нас на дворе конец октября – родит уж, наверное, скоро...

– А что, мальчишка этот, с которым она встречалась, так и не признался?

– Ага, признается он, как же! Ты знаешь, кто у него папашка? И эта, дура наивная, нашла тоже, в кого влюбляться да от кого беременеть! Ладно бы от простого паренька понесла... Может, и помогли бы мы ей чем, прижали бы родителей. Нет, не понимаю я, Надька, нынешних порядков, хоть убей. Ты вот в свое время пузо свое незаконное до последней возможности скрывала, я помню... Все боялась честное имя молодой учительницы, родившей неизвестно от кого, замарать.

– Да помню я, Кать, все помню...

– А эти сейчас ничего не боятся! Да если б в наше время в школе кто рожать собрался... Да это ж скандал! Это ж позор на всю область! Голова у директора школы уж точно бы полетела! А вот теперь... Как будто так и надо. Права ребенка, права ребенка, растуды их мать... Беременность – не та, мол, причина, чтоб из школы выгонять... Дурдом, в общем. Хотя на мой бы характер – я бы и на пушечный выстрел...

Надежда Федоровна испуганно выпрямилась на стуле, взглянула на подругу отчаянно вопрошающе – чего это ты, мол, Кать, и не в тему вовсе... Поймав быстро ее взгляд, та осеклась на полуслове, махнула рукой, засмеялась виновато:

– Ой, прости, Надька. Я и забыла про нашу с тобой проблему... Потому, наверное, и забыла, что она у нас немного другого рода. Егорова-то из 11 «Б» рожать да воспитывать сама собирается. Ну, так на то она и Егорова из Синегорска! Судьба у нее, значит, такая. А нам с тобой этого с внучкой твоей допустить никак нельзя. Аленка-то права – ни к чему им это все. Тут я ее прекрасно понимаю.

– Я ей предлагала, Кать, у себя ребеночка оставить, а она запретила...

– И правильно запретила! Куда тебе! Здоровья никакого, а туда же! Нет-нет, Надька, это не выход!

– А что, что тогда делать-то? Ну как я его пристраивать буду, как? Это сказать легко, а сделать? Да еще в нашем городке, где все друг друга знают как облупленных?

– Да, проблема... Ну ничего, Надька. Справимся. Придумаем что-нибудь, время есть. И голова на плечах есть. Придумаем, Надька!

– Ты знаешь, Катя... Вот слушаю тебя, и мне все время кажется, что и не я вовсе Аленку тогда родила, а ты... Она и говорит так же, как ты, и уверена в себе так же...

– Ну, а как ты думала, дорогая! – довольно рассмеялась Катя. – Мы же вместе с тобой ее воспитывали! Значит, она и моя дочка тоже!

– Кать, а она у тебя про единый экзамен спрашивала?

– Ну да. Спрашивала, конечно. Не только тебе, но и мне тоже, выходит, задачу Аленушка наша задала. Только уж

слишком несерьезно она к этой проблеме относится, скажу я тебе! Думает, так это все просто! Вот вынь ей и вложи в руки этот распрекрасный сертификат! Да будь у меня хоть какая-то возможность тот конверт с тестами заранее вскрыть! Аленка же не понимает этих наших заморочек...

– Так ты ей отказала, значит?

– Ну, не совсем чтобы отказала... Я попытаюсь, конечно, что-нибудь предпринять. Можно Семена, конечно, попросить, он же как раз в управлении образования сидит. Но ты же знаешь, какой у меня муж в этом отношении трусоватый! Правда, он свою трусость всегда порядочностью именует, но от этого как-то не легче. Я твоей Алене другое пообещала – репетиторов хороших Дарье организовать. Это без проблем. У меня в школе учителя все хорошие. Я плохих не держу, ты же знаешь. И специалиста по технологии тестирования найду. Раз уж заиклилась твоя Алена на этом чертовом сертификате – что-нибудь придумаем. Не трусь, Надька! Времени у нас в запасе навалом!

– Эх, мне бы чуть-чуть твоей решительности, Катя? – грустно вздохнула-вопросила Надежда Федоровна. – Хоть бы самую малость... Вот ты говоришь, времени у нас в запасе полно, а мне, думаешь, от этого легче? Да я за это время так изведусь, что и живой вряд ли останусь. Легко сказать – родного правнука, да в чужие руки... Да еще самой...

– Ладно, Надя, не паникуй. Не прикрывай, как мой Сёма, трусость свою порядочностью. По правнуку она изведется,

видишь ли. Ладно, не изводись! И с твоей проблемой что-нибудь придумаем. Может, в соседний район рожать отправим... А здесь скажем, что умер, мол, ребеночек. Фу, прости меня, Господи, за мысли грешные! Нет, Надька, мы не убийцы, мы все честь по чести сделаем. Чтоб совесть была чиста. Хотя какая уж тут к чертовой матери честь да совесть... Ладно, иди, у меня скоро педсовет начнется. И пусть Даша ко мне завтра прямо с утра придет обязательно! И не трясись там над ней особо, не давай в голове опасные мысли гонять! Раз доверила нам Алена судьбу девчонки, нам эту судьбу теперь и творить надо так, как полагается! Правильно то есть!

Глава 5

Домой Надежда Федоровна ушла рано – все равно в этот день ни дела, ни работы не получалось. Все валялось из рук, и плаксивая досада на свалившуюся так неожиданно на голову проблему никак не желала ее отпускать. Домой, впрочем, тоже идти не хотелось. Будто дом в одночасье стал и не домом ей вовсе, а чужой квартирой, и страшно неудобно стеснять своим никчемным присутствием без того озабоченных проблемами хозяев. Но идти было надо. И надо было находить общий язык с гордой беременной внучкой и готовить ей какой-то ужин...

Даши дома не оказалось. Разобранная постель глянула из комнаты недовольно, будто упрекнула за непривычный беспорядок. А беспорядка Надежда Федоровна не любила. Привычка к сложившемуся с годами уютному одиночеству сама собой предполагала постоянный в доме порядок – нарушать его было некому. Вздохнув, она заправила за внучкой постель, подумав неприязненно: «А что, сама она этого делать не умеет? Я еще и служанкой теперь у нее буду, что ли?» И тут же себя и осадила. А что, что ей еще остается? Ничего и не остается. Да и подумаешь – постель заправить. Вот если б основную проблему можно было решить так же просто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.